

A photograph of a vineyard with rows of grapevines and a gravel path. The vines are lush green and extend into the distance. The path is made of light-colored gravel and has some dry leaves scattered on it. The sky is bright and clear.

Андрей Козлов

Осмысление

Андрей Козлов

Осмысление

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23932249

ISBN 9785448507564

Аннотация

Главные герои (преподаватель психологии, винный эксперт и силовик), проживающие в России 21 века в большом городе, ведущие разговор о модных, современных темах, но не поверхностно и упрощённо, а осмысленно и аргументированно. При этом не ставится задача заигрывать с общественным мнением и идти у него на поводу, а наоборот, помочь развить воображение и акцентировать внимание на повседневных ситуациях, требующих выбора и личного отношения. Содержит обучающий курс по пониманию вина и виски.

Содержание

Краткое содержание	5
Подводка	7
Начало	18
Запись №1	22
Запись №2	37
Запись №3	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Осмысление

Андрей Козлов

© Андрей Козлов, 2018

ISBN 978-5-4485-0756-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Краткое содержание

Подводка.

Начало.

Запись 1 (Дон-Жуан, Виллар Эстейт Эсенсия Гран Резерв Шардоне, стиль, Элдертон Шираз, Макаллан, Да Хун Пао).

Запись 2 (Лакме, Одфьелль Совиньон блан, Национальный вопрос, Ганнибал ЮАР, Скапа, Лао Тегуаньинь)

Запись 3 (Травиата, Амфора Риболла джалла, счастье и деньги, Бароло «Дагромис» от Анджело Гайя, Лагавулин, Уи Ба Сянь)

Запись 4 (Беатриче и Бенедикт, Эредерос дель Маркес де Рискаль Вердехо, семейные отношения, Оитза Ирулеги, Далмор, Ча Чжуань)

Запись 5 (Богема, Домен де Шевалье, спорт, БенМарко Мальбек, Грэм'с Кинта душ Мальведуш 1999, Литлмилл, Маньно)

Запись 6 (Паяцы, Ленц Мозер Трокенберенауслезе, моё поколение, Домен Лаффон Экат, Глен Морей, Уи Жоу Гуй)

Запись 7 (Вертер, Пуйи-Фюме Паскаль Жоливе Совиньон блан, лекция о новинках во французском виноделии, про виски, Шато Клерк Милон Пойяк

Гран крjу, Глен Элгин Роу Каск Блэкэддер 1991,
Цзы Цзюань)

Запись 8 (Манон Леско, Зjюйкербош Шардоне,
экспедиция часть 1, Пегуш Кларуш Палмела, Гленфарк-
лас,

Дян Хун Маофэн)

Запись 9 (Тоска, Боланже Спесиаль Кjюве брjут,
экспедиция часть 2, Бузи Гран Крjо Эрбер Бофор брjут
розе, Андре Бофор брjут Миллезим Гран Крjо 1990,
Спрингбэнк, Най Сян Цзинь Сюань)

Запись 10 (Макбет, Сент-Обен Домен Юбер Лами,
экспедиция часть 3, Шато Остенс-Пикан Лукуллус,
Кул Айла, Чжэн Шань Сяо Чжун)

Завершение

Подводка

Я сидел в своей подсобке для охраны и смотрел на эту тройцу. Один из них, производивший впечатление человека, разбиравшегося в алкогольных напитках, использовал набор фраз и слов, которые ничего не говорили мне, человеку наблюдающему картину происходящего за их столиком в ресторане «Дон Джовани». Его звали Евгений. Левая рука этого человека держала бокал с белым вином, причём пальцы находились строго на ножке бокала и обхватывали его подобно скрипачу, сжимавшему смычок, но устремляя вертикально вверх. Я невольно взглянул на свою руку, которая сжавшись в кулак, напоминала кувалду, готовая обрушиться на любого, кто захотел бы нарушить покой посетителей сего заведения, соблюдая лишь установку хозяина ресторана, чтобы не было ситуаций с криками и не оплаченными счетами выпровоженных субъектов. Он разработал алгоритм, как сначала к проблемному гостю подходил администратор и вежливо и деликатно рассуждал о правилах приличия и тактично с уважением рекомендовал не привлекать к себе внимания окружающих. Но если товарищ не внимал увещаниям облачённого в форменную ливрею администратора, наступал мой черёд. Я бы не сказал, что мне было свойственно чувство классовой ненависти ко всем этим буржуазным элементам, но свою работу я выполнял честно

и уверенно. Техника проста и универсальна: нужно без лишнего промедления возникнуть рядом с возмутителем спокойствия, взять в охапку этого деятеля, чтобы его руки были зафиксированы по бокам и не цеплялись за окружающие предметы, когда, как выводят из горящего дома погорельца укрытого несгораемой тканью стремительно укрывая от дыма и раскалённого пространства огня, помещают в состояние покоя и отстранённости. Так и я, доставив спалившегося подвыпившего гостя в специальную комнату, где не было абсолютно ничего, кроме металлического стула со спинкой бережно усаживал его на этот стул, пристально глядел в помутневшие глаза, пытаясь зацепиться за остатки разума, и говорил всегда одну и ту же фразу:

– Пожалуйста, обратите внимание на своё поведение, которое не разделяется остальными гостями нашего ресторана, оплатите свой счёт прямо здесь и я обеспечу вам выход на улицу, где уже ждёт такси, которое доставит Вас по нужному адресу.

Мне говорили, что подобная фраза, отшлифованная в ходе упражнений на практике, не звучала бы отрезвляюще на людей если бы не эти два обстоятельства. Попадая из фешенебельного зала с дорогими декорациями в практически пыточную с облупленными стенами и угрожающим стулом, человек под приспущенной лампой встречался глаза в глаза со вторым обстоятельством – мною.

В конце 80 – годов 20 века Город представляла собой

разделённое на кварталы сообщество молодёжных групп, подвергшихся пассионарному взрыву географического пространства. Здесь произошла кристаллизация накопившихся нерешённых процессов развития страны. Находясь на изломе своего циклического состояния, когда процесс идентификации подталкивал к принятию чьей – то стороны, а сторон – то и не было – всё было аморфно, и никто не предлагал каких – то существенных смыслов, молодое поколение взяло инициативу на себя и стремилось утвердиться посредством первобытных инстинктов – силы, зубов, крови. А оказалось, что имея злость внутри себя, это не приводит к решению важных целей. Поучаствовав в драках и поножовщинах, ощущая чувство локтя соседа по подъезду в битвах против таких же парней как и мы, но из другого района, приходишь к заключению что это только процесс структурирования времени, но не движение вперёд. Наоборот, даже, сбив какого – то парня с ног и причинив ему физический ущерб, через короткий временной интервал видишь, что продавая пирожки на улице через бабушек, он начинает передвигаться на машине, купленной на деньги от своего зарождающегося бизнеса. Пирамиды и кроссовки, с какими – то иностранными буквами на язычке, свитер с диковинным орнаментом привлекают девушек больше, чем рассказы о вчерашних разборках кто кого побил, и кто на кого наехал. Причём всё это ради туманных неосязаемых перспектив.

Мне повезло. Я жил в подъезде где находился подвал,

в котором принимали макулатуру и при большой сданной партии старых газет, журналов и прочей ветоши, можно было приобрести диковинные на тот момент вещи: жевательная резинка, оформленная под сигарету с фильтром, или кассету для магнитофона, причём странного происхождения, а более интеллигентная публика отдавала предпочтение книгам то ли запрещённых, то ли разрешённых авторов типа Пастернака или Солженицына с их «Доктор Живаго» и «Архипелаг ГУЛАГ».

Но везение не в том, что из окна квартиры открывался вид на тащивших на себе вязанок с бумажными изделиями людей ради получения возможности обогатится стеклянными бусами советского времени, а мне лицезреть их радостно – заговорщические лица, тайком осматривающих свою добычу, а в том, что в какой-то момент эта макулатура никому не стала нужна, и освоенный подвал путём сложных трансформаций от запустения до перепрофилирования в склады различной группы товаров, в итоге превратился в тренажёрный зал – качалку. Её «художественным руководителем» оказался сосед по площадке, который не утруждал себя бременем оставаться там до вечера и оставлял мне ключи от этой сокровищницы, чтобы я закрывал дверь с окончанием работы зала.

Не нужно иметь богатое воображение, чтобы представить себе, что такое тренажёрный зал в СССР конца 80-х годов. Это подвал без вентиляции, удобств (про душ я даже не упо-

минаю) и собственно тренажёров. В наличии: лавки даже не всегда обтянутые дерматином со смягчающей подкладкой, в кустарных условиях сваренные стойки для штанг, грифы, найденные на школьных дворах, списанные из – за ржавого состояния, блины оттуда же, добытые в цехах заводов конструкции имеющие неопределённую массу в килограммах и используемые как штанги (особенно ценились ось с колёсами от дрезины), приспособленные народными умельцами механизмы под работу на укрепление кистей рук, чтобы можно было схватить обидчика железной хваткой. Нельзя сказать, что оборудование не менялось и не дополнялось. Иногда кто – то из посетителей, имея знакомых работников в слесарных цехах приносил, в буквальном смысле слова на руках – таща с двух сторон, какую-то новую конструкцию, для развития группы мышц, имеющих тогда экзотическое звучание: дельта, трапеция, трицепсы, путая где они находятся на человеке, но выражения типа «сегодня буду прокачивать французским жимом» придавали загадочности и посвящённости в тайну бодибилдингового движения. А вот эти несунуны мгновенно становились героями дня, а то и более длительного периода времени, вокруг этого груза собиралась знающая публика, со своими советами и мнениями – как это можно использовать, где лучше разместить и на что они работают.

Само собой я мог заниматься сколько душе угодно. Не было методик и систем в упражнениях. Кто во что горазд, тер-

зал железо, выдавая свои потуги за индивидуальную программу. Особенно смешно выглядели парни, которые после подхода склонялись над своей тетрадью и, морща лоб от умственного напряжения, заносили что – то на бумагу не гнущейся рукой. Раз я полюбопытствовал более пристальным наблюдением, и рассмотрел, что этот гений ставит палочку о выполнении подхода к снаряду, напротив необходимого на сегодня комплекса упражнений. Но со стороны его действие выглядело как – будто он доказывал геометрическую теорему.

Но каждый приносил в качалку артефакты, связанные с культуризмом, это и фотографии мускулистых мужиков, которые удалось достать перефотографируя перефотографированные обложки иностранных специализированных журналов (сами журналы находились казалось так далеко и высоко, что людей листавших подобного рода литературу никто в глаза не видел), это и самиздатовские пособия по единоборствам и культуризму, где от руки нарисованные фигурки в белом кимоно и в чёрном кимоно выставляли блоки или наносили удары.

Пропадая целыми днями в подвале и совершенствуясь в искусстве поднятия тяжестей, мне совершенно было не до учёбы, поэтому закончив 8 классов я пошёл в ПТУ на каменщика, надеясь не особенно увлекаясь изучением предметов, быстрее обрести специальность с нормальным заработком и став работягой выбросить из головы те скудные

знания, которые успел уловить в пол – уха в школе.

К 18 годам, возрасту, когда в кармане лежала повестка в военкомат, за спиной были бесконечные драки и разборки с различными парнями с кварталов, т.к. чтобы добраться до «каблухи», нужно было преодолеть некое пространство, населённое враждебными элементами, подходивших со стандартным вопросом:

– Э, ты с какого квартала?

и далее по списку:

– Ты чё, здесь ходишь? Чё, давно не получал? Ты чё, нарываешься?

и далее в том же духе, пока не переходили на личности:

– Ты знаешь ...? (вставить нужное имя)

– А ты знаешь..? (вставить другое весомое имя)

и если были найдены общие имена, с которыми не стыдно было иметь отношения, можно было двигаться дальше. Но чаще начиналась потасовка с различным исходом. Прейдя в «каблуху», можно было узнать о существующих столкновениях, «базарах/ разборках», кто против кого в округе, и какие затеваются стычки.

Проходя медицинскую комиссию, я отличался от сверстников ростом (194 см.) развитой мышечной массой и хищным взглядом. Но поскольку я обладал специальностью каменщика, то родина решила направить меня в стройбат, чтобы возводить генеральские дачи. Лишь одно обстоятельство, случившееся во время укладки кирпичного забора вокруг

очередного загородного дома какого – то командира, стало важным для меня в ходе прохождения воинской службы. Две недели нашей работы по этому объекту из окон дома доносились КЛАССИЧЕСКАЯ МУЗЫКА! Вначале я был просто истощён разными скрипочкам, вопящими дамами и набором звуков. Но постепенно, я установил для себя, что музыка воспринимается не звуками, а ощущением ситуации, которая дорисовывает в разуме и в душе некие картины и образы. Так, можно было представлять себя, не чумазым укладчиком материала, а тонко чувствующим интеллигентом, понимающим гармонию символов, порождаемых единичными людьми – композиторами и исполнителями. Это было важно, в период нахождения в столпотворении казарменной жизни, где единица личности не была ценностью, а терялась в потоке строевого порядка и массовости.

Когда находишься в положении человека, вооружённого совковой лопатой, перемешивающим цемент в огромном корыте, под палящим солнцем, от которого становишься покрытым коркой коричневой кожи – сухой и стянутой, облачённым в гимнастёрку, воротник которой натирает шею до отчаяния, звуки, доносившиеся из этого открытого окна, открытого в другой мир, в другой уровень переживаний и восприятия реальности, некое параллельное пространство и скорости течения времени, то догадываешься, что социальная стратификация происходит и в советском обществе, хотя бы по рубежу человеческого образа. Я, чумазый, грубый

и неотёсанный и те, находившиеся за лёгкой, развевающейся занавеской открытого окна. И преодолеть это расстояние в 20 метров сложнее, чем взять полосу препятствий, укреплённую противником. Потому что здесь противник – это всё то, что мешает нам сделать шаг и шаги вперёд, сквозь все наши стереотипы, накопленные поколениями, включающие сложившиеся поведение в определённых жизненных ситуациях. И ещё два умозаключения, сформировавшиеся при продолжающихся тренировках прослушивания интеллектуальной музыки:

– меняется выражение лица и расположение мимических мышц, взгляд становится более осмысленным и умным, что ли;

– появляется усидчивость, приобретается терпение и покой в пространстве и времени.

То есть, теперь можно было сидеть на одном месте, смотреть вдаль с наполненным глубоким смыслом видом, и ощущать внутри себя спокойствие и музыку.

Конечно, завести, а уж тем более поддерживать разговор с теми, кто находился в доме о названиях музыкальных тем, именах, биографиях и периодах творчества не представлялось возможным, поэтому количество превращалось в качество безмянно и без опознания услышанного, но всё же новое качество личности возникло.

Отслужив 2 года в военно – строительном формировании, я вернулся в свой родной Город и устроился на завод в ВОХР

(военизированной охраны), так как о строительно – укладочно-копательных функциях вспоминать больше не хотелось. Здесь пришлось работать следящим за порядком в заводском общежитии, по ночам обходя этажи и взаимодействуя с местным контингентом, доставлять зарплату на раздолбанной «буханке», размещаться в домике на различных точках КПП производственной территории, проверяя номера перемещающихся через шлагбаум машин и проявлять прочую малоценную механико – физическую активность.

За это время я научился 2 важным вещам:

– не бояться темноты, ведь при обходе своего участка нужно заходить в самые отдалённые и глубинные места полу – пустующих ночью цехов с их inferнальными звуками, где-то вдалеке ухающих и лязгающих механизмов;

– не спать 2 суток дежурства; то есть бывали случаи, когда выручая коллегу, заступал за него на следующую вахту, и как бы не крепился первые сутки спать охота – вот просто не вмоготу, но вторые проходят в деревянном состоянии, уже разучаясь спать и действуя на животных рефлексах, без включения второй сигнальной системы.

Само собой, в середине 90 – х годов, откладывая большую часть своего дохода, я скапливал для приобретения проигрывателя компакт – дисков, и, осуществив поставленную цель, занялся составлением коллекции, прежде всего классической музыки, уже с сознанием дела идентифицируя услышанное с именем автора, формируя фаворитов и аутсайде-

ров.

Из всего перечня должностных операций стояние на КПП оказало наибольшее влияние на мою последующую жизнь. Как-то, проезжающий мимо директор завода решил поинтересоваться комфортными условиями домика, в котором размещаются его сторожевые, это там где хватает места для стула со спинкой, стола на котором умещается журнал для записей и внутренний телефон, а в зимнее время ещё и нагревательный прибор от которого сгорает кислород в ограниченном пространстве и приходится выбирать между покрасневшим сухим лицом, невозможностью дышать и временным открыванием скрипучей деревянной двери на мороз и метель – отчего лицо также становится покрасневшим и сухим. Подойдя к нашему месту дислокации, дверь его машины осталась открытой, и оттуда доносились звуки известной мне оперы уже известного названия. И здесь, произошло пересечение тех двух миров, про которые я размышлял, находясь в окопах генеральской дачи.

– Следующая ария будет глубоко трогательной и проникнутой болью в голосе и чувственно прекрасной – сказал я не зная, как можно отреагировать на вопрос начальства о том, как вам вообще здесь?

Начало

Ресторан, который открывал директор завода, и в котором он мне предлагал работу охранником, назывался Дон Джованни. Будучи человеком образованным, но представителем своего времени, он воплотил в названии текущие стереотипы и настроение складывающегося российского предпринимательства: здесь была и отсылка к популярному заигрыванию с мафиозной тематикой «Крёстного отца» – Don, и ласкающая звук семантика итальянского названия, наполняющая значение единиц звуков смыслом гастрономического итальянского тренда – Giovanni, и указание на игривую и простительную черту мужественности – донжуанство, а всё вместе- это опера Моцарта.

Рестораны того времени представляли собой полную эклектику. В интерьерах перемешивались не выработывая синергетический эффект, а выступая винегретом, разные стили и направления, если они вообще были стилями: позднесоветский с мелкотравчатыми представлениями партийной и советской номенклатуры о комфорте и заслуженном отдыхе, понты и неправдоподобные источники новоявленных купцов об атрибутах того, как нужно демонстрировать, выражать свои мысли и проявлять всё это окружающим, что жизнь состоялась, плюс отсутствие полноценных материалов, вдумчивых дизайнеров и подмена их тем, что можно

было найти на оптовых базах, чтобы создать богатый декор.

Сначала это был так называемый «евроремонт» с гипсокартонными стенами, подвесными потолками и хромированными стульями с цветными сидухками, потом возникли вариации на тему фонтанчики – водоёмчики с плавающими под ногами рыбками, затем дремучая охотничья тема с неприподъёмной мебелью и распластанными тушами – шкурами занафталининных животных по стенам, подобный антураж коррелирует с поданной половым водкой и пельменями – причём этот китч продолжает встречаться по настоящее время, глубоко застряв в образе посетителей, как о правильном ресторане, видимо апеллируя к первобытным инстинктам о пещерах и соответствующему способу принятия пищи. Пройдя шатания в сторону балаганности с приглашёнными ряженными артистами, вопящими бабами и разбивающимися в присядку мужиками с их фальшивой народностью и доводя ресторан до варианта цирка с факультативным режимом подачи обильной еды и напитков, наконец – то выкристаллизовалось (из графита в алмаз путём давления желаний потребителей гастрономической культуры) в приличное и достойное место, где артикулируются такие немаловажные для ресторана артефакты как продукты и приготовленные из них блюда, тщательно подобранные вина, правильная посуда, красивая сервировка и незримое обслуживание столиков – и это о гордости за то, что обмен мнениями, идеями, пусть иногда и иллюзорностью в обществе происхо-

дит очень быстро, и заменяют собой софизмы (ошибочные умозаключения), то есть прогресс в мозгах неостановим.

Этих троих я стал замечать через несколько лет существования «Дон Джованни». Они регулярно собирались либо в пятницу, либо в субботу вечером, один из них долго листал винную карту и наконец, определившись, выбирал бутылку белого вина, бутылку красного вина и односолодовый виски на дижестив. Столик располагался рядом с камерой видеонаблюдения с режимом аудиозаписи, поэтому весь их разговор фиксировался достаточно чётко, и просмотр архива вскоре превратился для меня в увлекательное домашнее занятие.

Почему именно они? Того кто скрупулёзно штудировал винную карту, а в действительности знал её наизусть звали Евгений – он был менеджером компании, занимавшейся оптовыми поставками элитной алкогольной продукции по ресторанам и винным бутикам. У нас он был знаком и с владельцем и с управляющим, и заказанный винный сет ему обходился по льготному плану, то, что выпивалось его собутыльниками, он привозил в понедельник со склада и отдавал местному сомелье взамен потреблённому. Второго звали Олег, и он был преподавателем то ли психологии, то ли философии в каком – то институте. Он полностью оплачивал меню, состоявшее, как правило, из сырной тарелки, колбасного ассорти, 1—2 основных блюд и десерта. Третий – Виктор, имел спортивный вид, развитую мускульную массу

и служил в каких-то силовых структурах. Его вклад в общий счёт заключался в покрытии расходов на выпитый single malt, который оплачивался здесь же, а не привозился Евгением впоследствии, ведь потреблялись от силы по 2 рюмки, а не бутылка целиком, и он же подбирал сложный чай для десерта.

Они проводили свои консилиумы уже какое – то время, но возможность оцифровать эти явки появилась только после установки всевидящего ока. Я сбрасывал эту запись на флешку, приходил домой, выбирал из своей музыкальной коллекции что-то подходящее и соединял в единый сюжет аудио – визуальный ряд их встречи и свой фоном доносящийся ряд мировой классики.

Запись №1

Я начал этот эксперимент с прослушивания, ставшего родным названием ресторана, с оригинала – оперы Вольфганга Амадея Моцарта «Дон Жуан {Don Giovanni}, или Наказанный развратник». Дон – Жуан и его слуга Лепорелло не раз избегали участи быть битыми, посредством переодевания один в другого, тем самым демонстрируя чудесные свойства одежды – перевоплощение и пускания пыли в глаза своим внешним видом). Можно по паре раз остановиться на ариях из 1 акта: «Dalla sua parte» и идущими подряд и чередующие друг друга мужской и женской тем: «Il mio tesoro intanto» и «In quali eccessi».

Музыка Моцарта для меня слишком уж оптимистична, и даже сцена в опере, где всё это общество проваливается в ад, звучит как – то не напряжённо и не трагично. Но вернёмся в зал.

Евгений – солировал.

– Сегодня, я подобрал два вина, которые обычно предлагаются неофитам, людям которые пытаются открыть для себя ощущения, приобщившись к чему – то новому, например – вину. Это чилийское белое вино из долины Касабланка, сорта винограда Шардоне и австралийское красное вино из долины Баросса, сорта винограда Шираз.

Когда мы опускаем нос в бокал с первым вином, то явно

слышны сложные переплетения букета всевозможных тропических фруктов и ванили. Повертев бокал, для того, чтобы высвободить из вина летучие ароматы и насытить кислородом все слои, делаем первый подход, но не глоток, а задерживаем вино во рту, раскатывая его языком по всей полости, возбуждая вкусовые рецепторы, пытаясь понять его плотность, кислотность, крепость и собственно вкус. То, что оно будет очень маслянистым и концентрированным мы уже определили ранее, когда вращая бокал, видели медленно стекающие по стенкам струйки, «ножки», предполагающие жирную субстанцию напитка. И наконец, вкус со сладковатыми тонами ананаса, манго, персика и далее сливочного масла, орехов и поджаренных тостов. Это так проявляется эффект выдержки в дубовой бочке, создавая фирменное звучание стиля «чилийского Шардоне» с длительным послевкусием всего выше озвученного. Тонкие ценители и снобы, критикуют за чрезмерное заигрывание с дубом, ведь палитра самого винограда забивается мощными древесными элементами, но если за дело берётся талантливый винодел, а не ремесленник, то баланс будет найден и гармоничный продукт надолго займёт место на полке в Вашем винном шкафу и в сокровенных мыслях – и это как – раз один из таких образцов.

После такого экспрессивного монолога, на продолжительное время воцарялась тишина, и остальные участники этого трио вооружались своими бокалами, сохраняя торже-

ство момента, понимая, что сейчас они станут приобщёнными к некоему таинству обряда и энологическому парадоксу. Они фиксировала в памяти эпитеты, названия фруктов и древесных пород, взывая к воспоминаниям свои рецепторы, как же это всё раскладывается на составные части и затем соединяется в общую композицию. И видимо нейро – лингвистическое программирование не было выдумкой, потому что во время паузы, заполнявшейся колыханием бокалов, опусканием носов в бокал, отхлёбывания вина маленькими глотками и закатыванием глаз, Олег с Виктором на выходе из нескольких минут молчания могли поклясться, что ощущают и тропические фрукты, и сливочное масло и орехи, и далее всё по списку.

Сначала, это было вино в чистом экспертном виде, затем оно же, но в сочетании с сырами и выставлением иерархических предпочтений и уместных совпадений, затем был подан лосось на гриле и где – то в этом месте благостно откинувшись на креслах затеялся разговор, поводом к которому явилась новая рубашка с коротким рукавом из чёрного льна от Джанфранко Ферре на Евгении.

Виктор. – Слушай, в чём смысл брендовых вещей, они имеют высокий ценник, при этом, такой же материал из которого строчат одежду, продающуюся в супермаркетах, и мало чем отличаются от простых и надёжных тряпок. К тому же, нужно тратить время, подбирая всё по стилю и некоему образу. Я вот понимаю, что стоимость моей одежды скла-

дывается из затрат на научные исследования по разработке высокотехнологичных тканей, которые приятны телу, имеют дышащие свойства и высокую практичность – не промокают во время дождя, не продуваются ветром и их можно не гладить после стирки.

Евгений. – А мне, просто нравится, так выглядеть!

Олег. – Это я вспомнил исторический анекдот, про философа Иммануила Канта, который то же любил хорошую одежду, и один виз – а – ви пытался его принизить, говоря что такое внимание одежде могут уделять только дураки, на что получил ответ, что лучше быть дураком по моде, чем дураком не по моде. Вы знаете, я рассматриваю одежду в широком смысле слова, как очень важный социально – культурный продукт. Во все времена – это была не просто тряпка, как ты Виктор пренебрежительно выразился, а доспехи, удерживающие и защищающие человека в рамках того социума, к которому он принадлежал или пытался принадлежать. Пытался – потому что много ярких примеров, как с помощью одежды негласно закреплённой за более высоким социумом человек мог идентифицироваться и приобретать соответствующие льготы и положение уже другой социальной страты. Если говорить про ценообразование, применительно к дизайнерской одежде, то дорого производить штучное творение, а не поставленное на конвейер, состоящем из суетящихся трудолюбивых китайских рук изделие. И вот ты идёшь, и твой образ, созданный тобой же в представление

о себе, с широтой взглядов и эрудицией и не только в области моды, но и в искусстве – цветовые вариации увиденных на картинах изучаемых художников, дизайне интерьеров – с их комбинациями пропорций и сочетаемости элементов, воздействует на окружающих создавая стиль притяжения, в чём – то раздвигая границы допустимости и обычности. Тем самым, ты внёс конструктивные изменения в архитектуру повседневности, украсив её новым штрихом индивидуальности. Наконец, с помощью деталей одежды или реже цельности концепции, ты считаешься аудиторией, среди которой прибываешь и воспринимаешься как свой или чужой. Не в смысле друг – враг, а как субъект, для которого актуальны или нет близкие мне темы разговора, увлечения и приоритеты.

Виктор. – Ты упомянул о том, что редко можно встретить целиком гармоничный образ – соглашусь: полно деятелей выглядящих просто нелепо, и я сейчас не о застиранной майке, линялых шортах, резиновых шлёпанцах и просто тупой сумке наискосок через брюхо, и не о брюках одновременно с юбкой у их спутниц, а о деловом человеке в пиджаке с такими длинными рукавами, что закрываются костяшки пальцев, напоминающего Пьеро из балагана, брюками (типа до каблука) нижняя часть штанин которых подметает землю.

Евгений. – Не, тот тип в шлёпанцах – он то, как раз и гармоничен в своей лоховской эстетике, такие представители рода человеческого были всегда и останутся, сменив та-

ких же только из раннего поколения в трениках, а до этого в фуфайках и вязанных бабайках. Я вспомнил один случай. Вечеринка, меня знакомят с владельцем одного из бутиков одежды. Мы разговариваем разговоры, пьём вино и легко структурируем время. Через некоторое время встречаю его на улице, здороваюсь, но адекватной обратной связи не получаю – человек не соотносит меня с каким – то событием в его жизни. И тут он опускает глаза на мои ботинки, и его взгляд меняется, он профессионально зацепляется за свою тему и дружелюбно восклицает – А, Артиоли! Для него, это был символ и пропуск в его мир. Поэтому, мелочи – не ерунда, а триггеры (в данном контексте, как события, вызывающие у человека внезапную реакцию, являясь частью переживания, чаще подавленного), стреляющие по цели незаметно, но эффективно.

Ну что, следующий номер в нашем списке – это австралийское красное вино из долины Баросса, сорта винограда Шираз. Удивительно, но практика дегустаций выделяет именно этот район для этого сорта винограда. Это вино можно перемещать по бокалу, а можно и не делать таких сложных манипуляций – пышный букет восточных пряностей с нотами чернослива всё равно будет выпрыгивать из него, густое по консистенции, со вкусом как бы ещё тёплого пирога из чёрной смородины и нюансами горького шоколада, которые, переплетаясь с бархатистыми танинами, соткали невероятно соблазнительное вино.

Конечно же, под дичь.

Виктор. – Вот это моё вино! Мощь и всё ещё продолжающийся вкус! Раньше я относился к сухим винам, как к кисляку и цветной водичке с градусами, но это ведь сухое вино, и оно другое, такой сложный кисель!

Олег. – А я теперь могу сформулировать, почему вначале ты обозначил эту подборку, как вина для неофитов. Они понятны, сразу же ошеломляют и сильно отличаются от привычных нам вин без истории, здесь понимаешь за что платишь деньги: интенсивность цвета и вкуса, отчётливая ароматика, обволакивающее послевкусие – все черты яркости и узнаваемости налицо.

Кстати, про узнаваемость и стиль. Подавляющая часть людей не умеет подать себя, боится показаться неуместным и нелепым. И это действительно с ними произойдёт, потому что они не работают над собой ни в спортивных залах, ни в развитии собственного представления кто они есть в отрыве от стереотипов, мнений окружающих, заимствований ролей и переноса сценариев на своё поведение, из просмотренных сериалов и телешоу. Они начинают говорить, интонировать и проявлять реакцию, как те герои и героини с ходульными диалогами и наигранной экспрессией. Для некоторых из них расставлены готовые клише, эдакие стилевые проекты под ключ или всё включено, в которых разработаны костюмы, реплики, постановка голоса, места присутствия, ритуальные артикуляции и поведенческие рефлексy. Я гово-

рю про любую социальную общность (готы, хипстеры, геи), в различные периоды времени, акцентированные по разным признакам, с разными названиями и проявлениями, но всех их объединяет задавленная индивидуальность и отсутствие умений выработки собственного стиля. Им для того, чтобы быть модными, позитивными и элитарными на помощь как раз и приходят эти конструкторы в одной коробке: шаг первый инструкции по сборке себя: надеть такие штаны, другие – нельзя, потому что в схеме только эти, шаг второй – отрастить бороду, удобно или нет – не считается – так положено, иначе ты не в образе... шаг 10 – галстук – бабочка. Всё понятно как тебя направляет разработчик, остаётся поставить галочки о выполнении и вот ты уже прошитый элемент референтной группы. Или если в какой – то момент стиль «гей» побеждает, а хипстеры уже не в фаворе, и те, кто носят бороду – лохи, то можно не внедряясь в сексуальную составляющую, тем не менее, в данном конструкторе на шаге, скажем 4 обязаны повесить себе серёжку в ухо или начать говорить голосом обиженной глупой куклы. Кстати, в эту же задавленность творчества и свободы духа, я бы отнёс бизнес – стратегии типа сетевого маркетинга или прочих тоталитарных версий, в которых потенциал сотрудников заталкивают в трубу, не имеющую ответвлений и примыканий, текстов в которых императивом звучат чьи-то бредовые мыслительные построения, подвергать сомнению которые нельзя – ведь так в книге написано.

Виктор. – Ты заговорил про строго иерархические организации, и я вспомнил про причину выбора женщиной работы в силовых структурах – это неумение одеваться. Она ссылается на инструкции про служебную форму и при любом удобном случае, с надеждой на обратное жёсткое возражение, возмущается что если бы не требования, то одевалась бы просто супер. Но в редких случаях, можно подглядеть что подразумевается под этим супер – это что-то вульгарное, с эффектом моментального воздействия на зрительный нерв, без намёков, загадочности, дорогой сдержанности и статуса.

Олег. – Помните про опасную мифологию Золушки. Я вся такая хорошая, милая порядочная и далее по списку комплементарных свойств, но полюбить, оценить и принять меня может только тот принц, которому важны во мне вышеперечисленные черты, и когда он их увидит, тут то я и расцвету, превратясь из грязнули, забитой падчерицы, бессловесной и безвольной служанки в принцессу красоты, стиля, обходительности, блистательную светскую даму. И это будет поощрительным призом тому, кто разглядел настоящую меня. А чтобы отфильтровать фальшивых ухажёров, которые хотят видеть рядом с собой красивую и блестящую игрушку, нужно претвориться бедняжкой, но с богатым внутренним миром. Затем эти привычки становятся настоящим образом, появляются отговорки, не пойду на тренировку, потому что там увидят мою привлекательную фигуру, пропущу

модный вернисаж – ведь там нужно появиться в стильном виде, и пошли – поехали пропуска и отставания. Представьте себя на месте того самого принца – нормального парня, когда он видит вокруг замарашек, которые затаились в своих загадках, и справедливо понимает, что это не красивая волшебная тайна, а проявление болезненного рассудка, а я лучше пообщаюсь вот с этой, такой – же состоявшейся и нравственно зрелой девушкой. Золушка всё больше укрепляется в своём заблуждении, что им только и подавай богатых и успешных. И это история не средневековой давности, а актуальная и сейчас – недаром фильм «Красотка» Гарри Маршала, российские сериалы с вариациями на заданную тему, такие популярные среди современных синдерелл.

Да, среди мужиков подобные мысли тоже не редки. Ей нужны только мои деньги, связи, положение в обществе, «если ты хочешь любить меня, полюби и мою тень...».

Народная мудрость «что бог не дал, то в аптеке не купишь» – заблуждается! Не будем кривить душой, черты лица – это действительно данность, и у каждого она разная, и да – от рождения один человек может быть красив, а другой нет – и эта та часть поговорки, про «бог дал». Но больше факторов и свойств человек может приобрести, и тогда это будет не просто лицо, а личность. Выражение глаз – вы можете идти по улице и становиться объектом домогательств всяких антисоциальных элементов, собирающих мелочь, сигаретку или заводящих разговоры за жизнь и причи-

ной может являться взгляд сквозящий от вас – рассеянный, глуповатый, потерянный, поникший, привлекающий собратьев по социальному дну. Этим или другим выражением вас бог не награждает, а является следствием жизненного опыта, или его отсутствием, ведь вы плывёте по волнам признания и успеха, а как много красивых матрёшек с деревянными глазами и кукол, умеющих надувать губки, и удивляющихся, что их воспринимают однобоко. Манера разговора – как черта личности, приходит не сама собой, а является компиляцией сросшихся и ставших своими мыслями из прочитанных книг (у каждого свои учебники), пропетых музыкальных фраз, близких по замыслу фильмов с репликами ваших героев, понравившихся красивых фраз, произнесённых в жизни каким – нибудь лидером мнения, подслушанных и увиденных как эти фразы воздействуют на адресата, и конечно сказками услышанными от родителей в детстве и реальных советов, полученных от них же в процессе приёма – передачи семейных поколенческих гештальтов. То как разговаривает ваш герой, а затем и вы не критически купившись на «распальцовку» и засорённую междометиями речь, считается вашими собеседниками и по принципу свой – чужой устанавливается/ отсекается контакт. А ещё жестикуляция – аффектация (кривляние) или сдержанность, мимика – вот уж точно что меняет лицо, располагая мимические мышцы соответственно задумке владельца головы, выбранный стиль одежды и степень отслеживания её чистоты, волосяной покров,

парфюм – дают накопленный, а не отмеренный на небесных весах, незабываемый или лучше не вспоминаемый образ личности или налогоплательщика (когда у человека не удаётся определить какие – то достоинства и он бесцветный во всех отношениях – остаётся один важный фактор его присутствия в социуме – он налогоплательщик).

Евгений. – О, я услышал знакомое слово – «парфюм», и забираю мяч на свою сторону, пройду по символике ароматов. Между виноделом и парфюмером – много общего: оба создают свои композиции в голове, держат их в памяти, имеют коллекцию составных частей, для воспроизведения общего, находятся в постоянном поиске нового и дополняют своё творчество актуальными или фантастическими открытиями. И в виноделии и в парфюмерии есть разные уровни продукта: тот, чтобы сделать бизнес на парфюмерных жидкостях и выпить её, конечно роднит их, но данный сегмент не является предметом моего исследования, другой – чтобы чем – то заполнить полки магазинов и впарить толпе типа – вино и типа – одеколон имеет место быть, нанося урон здравому смыслу и не развивая внутреннюю культуру населения, наконец – ответственный и солидный подход настоящих профессионалов, в наших областях знаний, находит своё воплощение в специализированных местах для думающих, знающих и умеющих формулировать своё желание людей. Но существуют и такие, которые формируют мнение, не оглядываясь на достоинства ремесленников, зная исто-

рию и предыдущие достижения, но уходя вдаль своих иллюзий, исканий, мечтаний, снов, откровений и свободных ассоциаций – и среди парфюмеров это те, которые выдают селективную, нишевую парфюмерию. Вам не нужны рекламные плакаты, демонстрирующие бренд, чтобы походить на брутальных красавцев или изысканных красавиц – вы и сами икона стиля, если дошли в понимании до такого уровня. Как упоминается в книжице к флакону одного из грандов упоминаемого движения – Сержа Лютанса аромат не осязаем, но ощутим, то есть мы его не можем потрогать, повертеть в руках или выставить на обозрение логотипом, но стоит нанести на себя и вы становитесь окружённым шлейфом собственного видения, производя впечатление собой и примагничивая открытые от восхищения глаза и аккумулируя положительный заряд, причём не феромонами, а интеллигентностью. Но нет предела в познании: существуют ещё и парфюмерные масла, которые уводят их обладателя, в практически сказочный мир намёков на бесконечную продолжительность образа, прошедшей мимо души, мир тяжёлых капель масла, стянувшихся из флакона на кожу, которые не смоешь и водой, мир композиций, сложно определяемых в ёмкости их заточившей, и требующих сродниться с вашим типом характера, и раскрывающиеся по разному на каждом человеке, озвучивающих на себе такие ноты.

Продолжая тему про ароматы, я заказал виски Макаллан 12 летний, выдержанный в бочке из – под хереса. Обосную

свой выбор. Мне приходилось сравнивать 2 релиза этого односолодового виски: файн оук – выдержка в бочке из – под бурбона и шерри каск – в бочке из-под хереса. Отличается разительно, первый образец – просто цветной алкоголь, которого много везде и его пить можно до тех пор, пока вы не попробовали второй образец, темнее по цвету, сложнее в палитре ароматов, сочетающую жаренные орехи, мёд, сухофрукты и гораздо длительным в послевкусие – сладковатые, пряные тона. Этим образцом, я хотел бы закончить своё сегодняшнее выступление, упомянув, что Макаллан – величайший single malt, одинаково ценимый как экспертами, так и новой паствой.

Они посидели, откинувшись на креслах с многозначимым видом, в котором читалось довольство, расслабленность и позёрство, манерно подзывая к себе официанта для следующей порции шотландского напитка.

Виктор. – А я, завершу своё выступление, предложив и рассказав про чай. И раз уж у нас сегодня выставляются достойные, но понятные семплы, то здесь беспроегрышным вариантом будет – Да Хун Пао или красный халат – это северофудзянский сильноферментированный улун, он же бирюзовый китайский чай. Видимо в Китае есть 2 вещи неоспоримого качества – это чай и чайные аксессуары из исинской глины или фарфора – остальное требует компромисса с собственной совестью. Этот чай упомянут в известной песне нашего рэпера про чайных пьяниц, поднявшая продажи в са-

лонах, и когда я открывал для себя это направление, и приносил название – владелец, с юморком обосновал коммерческую пользу от творчества для его бизнеса – стали приходить иссушенные парни, жонглирующие китайским терминами, для продолжения чайной церемонии тире поддержания «прихода». Не знаю, как они его там варят, я же завариваю для обычного чаепития. Вкус отличается от магазинных индийских и цейлонских образцов, создавая новый неизвестный ранее мир экспериментов и поисков, и мне стала понятной и интересной смежная тема про открытие чего – то неизведанного, например в вине, и я понял, что стоит копнуть глубже в любой области, даже упомянутых в сегодняшних наших разговорах, и про одежду, и про парфюмерию, и про работу над собой, и про вкусы – оказываешься перед открытой дверью в целый космос, и пропасть или полететь – это твой выбор.

Через 6 минут, закончив удивляться, как этот чай не требует десерта и дополняется своими же волнами, далеко забегаящими на разные края рецепторов, и что пора поднять паруса и отправиться в ночное плавание в сторону своих домов, они странной, но твёрдой поступью покинули ресторан.

Запись №2

Для её просмотра, я выбрал оперу Лео Делиба «Лакме». Это там, где культурные и цивилизационные различия не могут соединить даже двух влюблённых людей. Индианка Лакме не может удержать англичанина Джеральда своим внутренним миром, а волнует его только своей экзотичностью и поэтичностью окружающей цветочной ауры, прибегая к волшебному воздействию местной святой воды, оповив которой они были бы связаны не общностью интересов, а одурманивающими свойствами напитка. И краткого напоминания своего сослуживца о военном долге, оказывается достаточным, чтобы Джеральд удалился из возникших призрачных отношений.

Но вот эта прекрасная женская партия, действительно может пленить.

- Акт II: Scène et légende de la fille du Paria (Air des clochettes) «Ah! Par les dieux inspirés... Où va la jeune hindoue...»

Запись пошла.

Евгений. Начнём с представления сегодняшних вин?

Виктор. Не, ты давай сначала, про свои сегодняшние шмотки расскажи.

Евгений. Если без наезда, то это кардиган от Биккембергс, оливковый цвет которого соотносится с белой рубаш-

кой от Скотч энд Сода – очень качественно пошитая креативная экспериментальная классика с дерзкими элементами, серыми брюками от Армани и заканчивается коричневыми ботинками из страусовой кожи от Артиоли. Мы отвлеклись от главного – я обозначу винный сет. Это чилийский Совиньон блан из региона Лейда и южноафриканское красное сухое вино.

Чилийцы прямо на моих глазах сделали качественный скачок по совершенствованию своих вин. Было время, когда приезжали винные эксперты и открывали глаза на новые винные регионы, например Чили, и все удивлялись такой экзотике, тем более что вкус этой партии был очень противоречивым. Менялись поставщики со своими предпочтениями, приоритетами и отношением к честности ведения бизнеса, приходили другие со своим взглядом, делая попытки подкупить своими бюджетами в пользу продвижения их номенклатурного ряда, в том числе и чилийских вин. После этого, самым разумным было взять передышку, затаиться и отнекиваться от предложений по данному региону. И как бывает в сказках, неожиданно пришли парни из никому не известной компании, если это можно было назвать компанией, с прайс-листом больше напоминающим вырванный тетрадный лист с очень лапидарным перечнем, состоявшим только из вин 3 чилийских бодег. Разговор строился в несколько непривычном ключе: – если вы согласитесь продегустировать наши вина, то мы их вам отправим, – почему нель-

зя сейчас их попробовать? – потому что они провели с нами в дороге не один час, и прежде чем представить на изучение, мы настаиваем, чтобы они пребывали в нужном температурном режиме и покое, по крайней мере 2 дня, и после получения, обещайте, что позаботитесь о них! Да, это была красивая интрига, и хотелось сыграть правильно, тем более что уважение к вину было взаимным. С тех пор, я обогатился ещё одним категорическим императивом, что истинное наслаждение можно получить, если как следует углубиться в предмет, а не ковыряться на поверхности, зачерпывая наносную пену попсы. Кстати, вина были невероятными (что белые, что красные), и мы были одними из первых в стране, кто пробовал их, да вообще-то и в мире, ведь эти производители выпустили их на рынок первый год. После этого казуса, как прорвало – практически каждая молодая винодельня начали выстреливать такими элегантными и сильными, фруктовыми и строгими и проч. и проч. винами, что подвинули и старых маститых грандов на создание в своих подвалах ошеломляющих экспрессий.

Наш сегодняшний Совиньон блан, ассоциируется у меня с одной новогодней историей, когда встреча нового года происходила за городом, но в комфортном доме с елями на участке, освещёнными дорожками и отдельно стоящей печи. Поскольку это русская зима, то вдоль дорожек были снежные завалы и из них торчали, охлаждаясь эти совиньоны, и когда выуживая подмороженные бутылки, разливая

по бокалам и поднося их к разогревшимся лицам, то выско-
чил аромат мандаринов, лимонной корки, всё вместе отра-
жая традицию русского новогоднего застолья и такой тропи-
ческой свежести, что казалось невероятным: где Чили, а где
Россия, и это не глобализация, когда всё можно везде иметь,
а волшебство, что из нашего сугроба можно достать такое
солнце и зелень!

Какое-то время они сидели, углубившись в свои мыс-
ли, воспоминания, ощущения, один находил научное объяс-
нение вкусовым особенностям, другой улыбался, возвраща-
ясь, благодаря повышенной ароматической чувствительно-
сти (такой не болезненной идиосинкразии), в прошлый жиз-
ненный опыт, третий пытался самостоятельно разобраться
нравится ему вкус или его водят за нос слишком большим
количеством слов. Вернувшись в этот мир, каждый удовле-
творённый своими ответами на поданное вино, Олег высту-
пил с коммюнике.

Олег. – Зацеплюсь за последнюю мысль о различии и осо-
бенностях стран. Не хочу рефлексировать по поводу бежен-
цев в Европу из Африки и арабских стран, слава богу, это
им разгребать, но у нас тоже возникают ценностные рас-
хождения. Зафиксируем основу – я воспринимаю людей че-
рез их образовательный ценз, и содержательный вдумчивый
нерусский мне интереснее русского, извергающего пошлость
и чушь.

Виктор. – Извини, прерву твою экзегезу. Был я на од-

ном застолье. Сидит, пьём, едим – обычная компания людей. Среди нас присутствует один парень с Кавказа. Идёт общение, подшучивают, смеются. И вот с ним тоже пошутили, не зло, не на национальную тему, а просто в продолжение общего настроения, и он загорелся: почему его высмеивают и насмеваются над ним, да ещё в присутствии женщин. И это не религиозный фанатик или ортодокс, а вполне современный человек. Понятное дело, что на следующее мероприятие мы его не пригласили.

Олег. – Вот, я как раз про разницу в культурных кодах и мере допустимых норм поведения в различных социумах. Зная свой круг общения, ты понимаешь, как быть адекватным, не напрягаясь и не одёргивая себя каждый раз, когда выражаешь мысль, подбираешь фасон или цвет одежды. Попадая в другую незнакомую цивилизационную среду, начинаешь напрягаться и вспоминать из фильмов, книг или мимолётных пересечений как там выстраиваются коммуникации. Нет задачи принизить, или обидеть собеседника, но, не сталкиваясь в повседневной жизни с иным миром, невольно оказываешься вторгнувшимся на чьё-то запретное ментальное пространство, или свидетелем экзальтированных реакций в спорах, шумных проявления при воспитании детей, легковозбуждаемых групповых акций.

Виктор. – Я опять в ухожу в практику. Первая половина 90-х годов. Я не про лихие времена, а про свой возраст – 20 лет, все эмоции обострены, действия импульсивны, сила

духа – в наличии. В какой-то студенческой общаге возникает конфликт с южанами. И вот они начинают активно жестикулировать, совершать устрашающие движения, клясться святыми вещами, что они нас порежут, голову оторвут, закопают – в общем, страшно, и нагнали жути. Но деваться некуда, не уходить же с извинениями, поджав хвост, и начинаешь бой первым – не словами, потому что страшнее услышанного ты уже не сможешь ничего сочинить, а именно бить по морде. И после этого, куда делась у этих парней вся удаль и та агрессия, которая звучала только что, а вместо этого писк и склонившиеся головы, согнутые спины и поджатые коленки – ой, всё-всё хватит, больше не надо! Тогда понимаешь, что заряд энергии, кипевший и шипящий – выстреливает в тебя только буквами, без содержания и смыслов.

Олег. – Ты описываешь криминальную историю, но смысл именно такой – это защитная реакция людей, не обладающих реальной силой, продемонстрировать своё превосходство, запудривая мозги атрибутами могущества, влияния, статуса. И положение таких людей стабильно и уверенно до тех пор, пока вы в это верите, не ставите под сомнение и не пытаетесь проверить на прочность эту возведённую иллюзорную конструкцию.

Виктор. – А ещё есть множество совершенно странных людей, таких как родственники девушки с юга. Вроде, поддерживая с ней одной отношения, ты не видишь проблем, но прибывают её близкие, абсолютно не того уровня поведе-

ния и мыслей, которые ты привык видеть в ней. И начинаешь задумываться, а нужен мне этот кавардак в жизни?

Евгений. – Не, ну родственники, это всегда одинаковая диспозиция. Встречаешься с людьми, имеющими высокое имущественное положение, серьёзный социальный статус, и слышишь от них знакомый рассказ, о том, как приехали к нам родственники, подготовили для них меню и соответствующие кухне вино и крепкие напитки. А на выходе из задуманной гастрономической кадрили получаешь практически плевков в душу: «ой, вино слишком кислое, мне бы лучше послаще» или «а, виски- это тот же самогон...», возможны и другие варианты. Ты тщательно подбираешь баланс сочетаемости, стараешься удивить редким тиражом или выгодной стороной удачного года, восходящей звездой апелласьона или чудесами сравнительной дегустации, а ответ ввергает в уныние.

Олег. – А теперь, давайте соединим эти 2 экспрессии в одну: набор национальных особенностей и еду, включая напитки. И теперь уже русская традиция выглядит слабой стороной, я имею ввиду уважение к продукту. Зайду издали – сельское хозяйство как сфера деятельности рассматривалась подобием рабства и вариантом угнетения: крепостное право-сталинское издевательство над деревней – место ссылки проштрафившихся чиновников в поздне-советское время – самовывживание без государственной системы установки правил и развития здорового протекционизма в постсо-

ветскую эпоху. Подойду ближе – проживание человека в деревне, во все времена, представляло собой мрачную картину скуки, ограниченности в возможности развития, унижающих сплетен, непролазной грязи, пассивности, безнадёги и тоски зелёной. И подходим непосредственно к результату труда в таких минорных условиях – продукту питания. Он должен быть питательным, простым в употреблении, точно определяемым на вид и понятным, иными словами, то, что стесняются выставить на обозрение в качестве гордости за свой же труд, а пытаются задвинуть под лавку. И если некий сельский буржуа возьмётся сотворить что-то выходящее за стандарты общины, то он становится чем-то типа посмешища и чудика, зачем-то выделяющийся, считающий себя выше и лучше нас, сваривший вонючий сыр/ закупивший другую породу скота/ вымостивший свой двор камнем/ посадивший диковинные растения... – такому отбившемуся от нас само собой нужно пустить под крышу «красного петуха». Внешний вид продуктов, произведённых в таких условиях и представленных на фермерских рынках – скуден и непрезентабелен, ограничен по выбору и удивляет одинаковостью, «вкус знакомый с детства», выставляется как достоинство и не всегда говорит о его качестве, недооценённость трудоёмкости процесса выращивания и сохранения, заставляет искать пути снижения его себестоимости, заменяя дорогое сырьё чем-то странным или компромиссным, отсутствие авангардных настроений или «огляд-

ки на запад» демонстрирует ассортимент, с приговорённым эпитетом «раз, два и обчёлся». Успокоившись от экзальтированного разговора, с дремучими ярлыками и обвинениями в принадлежности к человеческим особям с различным состоянием мозговой деятельности критично отнесёмся к нашей продуктовой корзине и по отдельности, сравнивая с качественными европейскими аналогами:

– отечественный сыр и французский сыр, но это даже сравнивать смешно, наши умельцы даже не слышали о существующих там видах, вкусах и соответствующих технологиях, не говоря уже о качестве молока;

– колбасы наши и колбасы из Испании или Италии – я голосую за представителей этих стран. Вместе с тем, наша символическая любовь к данной категории, заставила производителей оперативно меняться, демонстрируя некоторый успех, и встречаются вполне достойные экземпляры;

– мука – местные производители не вытягивают верхний уровень, из которого собственно и делают хлеб, не как дешёвый продукт для набития живота в придачу с супом, а выражая идею хлеба – воплощение ручного труда, употребляемый как самостоятельное блюдо;

– крупы – вроде бы трудно испортить, но при фасовке в пакеты, у нас зачем-то в придачу насыпают грязь, шелуху и камешки, навверное, призывая не забывать родную землю;

– мясо получается достойным в случае импортного исход-

ного материала или от его последующих поколений.

И это самый распространённый сегмент, я даже не беру чай, фрукты, оливковое масло, мясные специалитеты – по определению не встречающиеся у нас – просто надо быть объективными и, извлекая уроки из сравнения стремиться достичь такого же уровня мастерства, и наоборот – отказываясь верить в собственную непогрешимость, проваливаться глубже в невежество и примитивизацию рецепторов.

Евгений. – Я встречал на профессиональных симпозиумах виноделов, которых можно было уличить в том, что они надели костюмы ну может 3 раз в жизни, так они в них ёжились и непривычно располагались телесно и неуютно морально, дополняя образ отсутствующим маникюром и непокорной шевелюрой, но имевшие внутреннее благородство, называемое у японцев «ки-ин», тем самым являя собой пример красоты профессии и уверенности в правильности своего выбора, представляя красиво оформленное, вкусно и аппетитно поданное, пережитое через время опыта, созданное личное произведение, и неважно что: шоколад, вино, хамон. Я перебирал в памяти доказательства такого же признания и успеха в национальном масштабе, и долго ходить не надо – это русский авангард в живописи. Именно это художественное явление вытягивает наше изобразительное и просто искусство на лидирующие мировые позиции, находясь наряду с другими шедеврами в сокровищнице человеческой цивилизации. Это не новость, но в контексте нашей литера-

турной кадрили, я сфокусируюсь на мысли, что вот такой техники- не было, присутствовали чувственные открыточные полотна с лесами, морями, лицами, но они были во всех странах с большим или меньшим талантом и воплощением, но что- то произошло в настроении художника, так стремительно началась меняться страна, загадочным образом сошлись в синергетический эффект разрозненные неуловимые факторы исторической судьбы, что работать, не тиражируя оригинальность, гениальность, неповторимость и сложную концептуальность – было бы непростительным расточительством своей энергии и просто не модным. Так и сейчас, до тех пор пока лидеры мнения будут идти за настроением и вкусом толпы, барахтаться в пене замыленной простоты, а не навстречу ей под флагом интеллектуальной работы над собой и формированием ярких идей и реализации смыслов- народ будет убеждать себя, что вермишель лучше пасты, а виски это тот же самогон.

И к слову об алкоголе, переходим к красному вину. Это южноафриканское сухое вино, в котором как в калейдоскопе отдельные кусочки стекла самых неподходящих форм и цветов смешиваются в фантастический вид, так и здесь 6 сортов винограда (Санджовезе: 52%, Пино нуар: 17%, Неббиоло: 15%, Мурведер: 8%, Шираз: 6%, Барбера: 2%) один не похожий на другой, совмещая несочетаемый с несочетаемым, подкладывая как на аптекарских весах щепотку того и щепотку этого, попали в одну бутылку благодаря выдумке и ма-

стерству винодела, представили уникальность в разнообразии. Вот вам и французские с итальянскими сортами вошли в союз, хотя при итальянце завести разговор про французское вино или наоборот, значит вызвать поток бурных эмоций.

Виктор. – Ок.! Вино супер, и я понимаю, что ты от конкретных вещей хочешь уйти в абстрактные темы, тогда подхватывая мысль за хвост, перекинусь на национальный автотпром. Наш отечественный не буду трогать, а возьму для примера только 2 страны: Англию и Германию.

Немцы делают совершенную технику, не подводящую водителя на дороге ни в плане скорости и плавности движения, ни в плане безопасности, а кроме того безотказной работы двигателя, и лазить в мотор не придется, может быть никогда. Когда человека спрашивают, а где у тебя набор ключей, он отвечает, что в сложности узлов авто я ничего не понимаю, и для их настройки нужны не ключи, а инженерные мозги на специализированном пункте сервисе, чесать же затылок с деловитым видом перед поднятым капотом на дороге, ещё не приходилось. Уверенно- устойчиво- мощное урчание машины при наборе скорости придаёт какой-то звериной агрессии и человеческой вере в надёжность аппарата при обгоне, нажав на педаль твой болид не кашляет от свалившейся на него нагрузки, а устремляется вперёд, и дальше поджимая газку движение развивается в стремительное ускорение, которое не захлёбывается и кажется может на-

растать до бесконечности, снижаясь только желанием водителя развивать дальнейший успех. И не менее удивительно то, что когда, пребывая в таком бешеном ритме, приспичит остановиться, это средство передвижения встанет как вкопанное. Следующий веский аргумент в пользу премиального немецкого автопрома – это длинный срок морального старения, BMW даже 10 летней давности выглядит стильно, ездит совершенно не ощущая бремя выпавших испытаний за всё это время и имеет техническую начинку не всегда встречающуюся у азиатских даже новых машин. И отдавая автомобильное предпочтение этой стране, я признаю, что их владельцы специально уходят от вопроса, или хотят оставаться неразгаданными, интригуя и скрывая как за солнцезащитными очками или свои прекрасные или затуманенные с похмелья глаза, а почему именно эта марка, потому что подобный вопрос никогда не задаётся- по умолчанию все признают, что такой выбор-оправдан, обоснован статистикой и очевиден. Тем смелее и задиристее становится факт приобретения английской машины, потому что вопрос почему – возникает всегда. Человек, который останавливается в своём предпочтении, скажем на «Ягуаре» не руководствуется критерием механической надёжности, как основной характеристики, а воплощает свою индивидуальность и жизненный стиль, продолжая его через металлическую оболочку вокруг себя и чаще демонстрируя себя окружающим. Представить водителя BMW в спортивном костюме или шортах с майкой

вполне возможно, и даже такой образ часто и задаётся в массовом сознании, а вот в «Ягуаре» – нет, что будет дисгармонировать и выталкивать его оттуда, да, в общем-то, и его владелец не имеет привычки так одеваться. Это более личностный выбор, и в запасе всегда припасены обоснования своего выбора, а не уход от собственной ответственности и кивание на авторитетов, что я ничего- это заключения автомобильных экспертов, тем более, что в современном люксовом сегменте аргумент, что машина не ломается не является доминирующим, так как они не у кого не ломаются, это всё равно, что сказать: – я приобрёл этот пуховик, потому что он тёплый- нет такая характеристика общая для всех качественных пуховиков, а выбор строился на других может быть цветовых или дизайнерских решениях, только если выбрать самый распространённый вариант – скажут дорого и удобно, а если будет выходить за привычные границы – эпитеты будут разнообразнее: смело, необычно, ярко, вызывающе дорого, требует дополнительного ухода. И английские машины никогда не стареют, с годами они превращаются не в старьё, а в винтажные и антикварные образцы. Тем не менее, немецкие – более привычные нам, они более купеческие что ли, в отличие от неприступных аристократических английских, более утилитарны, повседневные и понятнее в эксплуатации.

Олег. – Я мало что понимаю в автомобилях, но догадываюсь, что привязка марки машины и стереотипный образ её, распространённый в рекламах, песнях рэперов и разговорах

в обществе, к особенностям формирования внутренних регуляторов человека и оценкам выбора в близком ему кругу общения – существенны. Завершая на сегодня сеанс своей умственной активности, и ставя многоточие в теме национальных отношений, вспомню случай, который иллюстрирует не столько идею этнических особенностей в воспитании, сколько выводит ещё и другие факторы, не приводимые здесь – это дословно «времена и нравы». Проходя в студенческую бытность педагогическую практику в детском лагере, был вожатым у детей примерно 10-летнего возраста. И вот сижу я на лавочке читаю детишкам сказку, а на одной и другой коленке у меня сидят девочки, а третья висит на шее, зайдя сзади спинки лавки, а другие сидят рядышком полукругом, и никаких педофильских мыслей у меня не возникало, я просто образовывал, воспитывал, организовывал интеллектуальный досуг своего отряда. Прошли годы, везде в массовой истерии стали мерещиться растлители детских душ и тел, и теперь подойти даже к знакомому ребёнку и погладить его по волосёнкам, мне не придёт и в голову, подчиняясь общественной морали, и в этом мне кажется, теряется теплота, искренность и если хотите национальный дух доброты. А есть народности у которых сейчас на календаре 15 век, с соответствующими этому историческому времени-нравами, ментальными характеристиками, принципам воспитания и ценности человеческой жизни, достаточно вспомнить цивилизованную Европу в этот период, с дикими напа-

дениями одних на других, кризисом ортодоксальной религиозности и множеством мистических ответвлений, а также началом эпохи Возрождения с гуманистической парадигмой. Так же и у них, пройдёт период становления и цивилизационного взросления нации, наступит период устойчивости и спокойствия.

Евгений. – Давайте, я, завершая на сегодня жонглировать напитками, представлю на дижестив виски с шотландских оркнейских островов – это самый север острова и даже не его материковая часть, а ещё выше, так вот там существуют вискокурни Хайленд Парк и Скапа. Первая из них более авторитетная, влиятельная и надутая рейтингами, а вторая скромнее, но её продукция мне больше нравится, в то время как первая кажется «голым королём», в чём признаться будет чревато потерей лица профессионала. И здесь опять таки роятся 2 мысли: первая, которая коррелирует с твоей последней репликой, что как бы независимы мы не были, всё же находимся не в стерильной ситуации, а растворены в общепринятых нормах поведения, определяющих границы адекватности, и вторая- это наоборот, разница появляющаяся у вещей, предметов, явлений, продуктов, наконец людей, родившихся в одном месте, буквально рядом, происходящим из одной традиции, имеющим одинаковый вид из окна, но с годами выдержки осознавая, что в них происходят разные процессы формирования и будущих решений – значит не стоит фиксироваться на сравнении себя с другими,

а расти дальше, сравнивая себя с самим собой прошлым.

Виктор. – Значит, и закончу сегодняшний вечер противоречий и противопоставлений, демонстрацией чая Лао Тегуаньинь – это, как и в прошлый раз – улун из провинции Фуцзянь, но обращаю внимание, так же ещё на один не приводимый сегодня аргумент отличий человеческих свойств – возраст, и в этом контексте сравню Лао Тегуаньинь, просто с Тегуаньинь. Лао – означает взрослый, выдержанный и этот иероглиф меняет вкус, и ощущение от общения с таким чаем, делая его более сложным, глубоким, наполненным разными смыслами и дополнительными характеристиками. Молодость имеет свою прелесть, но с опытом человек может не вкладывая вес уверенности в своих словах, звучать убедительно и весомо, но при этом прожитые года не всегда добавляют разума и истинности собственным мыслям и совершённым поступкам, однако Лао Тегуаньинь мне приятно пить, а Тегуаньинь – нет.

Видя свою разницу, которая была очевидна, но не обидна для дальнейших встреч, они встали из-за стола, и вышли вместе (это их объединяло) из зала на улицу.

Запись №3

Завожу оперу Джузеппе Верди «Травиата» о приоритете чужого счастья над своим. У Виолетты Валери – обеспеченная и весёлая жизнь, которая быстро прерывается, когда она заставляет себя, давая обещание отцу своего молодого человека Жоржу Жермону, отказаться от счастья с его сыном Альфредом, в угоду гипотетическому счастью его дочери, которая не сможет выгодно выйти замуж, если травиата (заблудшая девушка) – Виолетта составит партию его сыну, а поскольку чувства Альфреда искренни, честны и желанны, то вынуждая куртизанку, которая ещё и содержит его, обманывать и разочаровывать Альфреда, получается, что реальное счастье сына менее важно, чем эфемерное счастье дочери в будущем. Не удалось провести тихую спецоперацию и с самим расставанием между влюблёнными – карточный скандал в обществе, кровавая дуэль с бароном Дюфалем, бегство и скитания в конце, вряд ли были праздничным приданным сестре Альфреда, о которой так заботился Жорж Жермон в начале, и являвшейся причиной таких жертв. Да и мадмуазель Валери хороша – согласна поступиться своим радостным будущим, в пользу какой-то незнакомой тётки из далёкого Прованса, уступая разводке человека, который ей сначала угрожает, потом уговаривает, а в финале и вообще присылает сына к её смертному одру, правда её по-

следний провокационный ход – подарить медальон со своим портретом Альфреду, чтобы он презентовал его своей будущей жене – это можно объяснить либо затуманенным болезнью рассудком, либо коварным расчётом и мстостью.

Сложные и красивые женские арии в первом акте: «E» strano! E» strano!»,

«Follie! Sempre libera degg'io», известная альфредовская во втором «O mio rimorso!», и трагическая в третьем «Teneste la promessa».

Включаю архив видео-аудио наблюдения, и сериал продолжается.

Евгений.– Чтобы не сбиваться с мысли и повествования о вине, сразу же предвосхищая запрос нашего ироничного коллеги, отчитаюсь: сегодня на мне болотного цвета узкие вельветовые брюки от Труссарди, зеленоватые с патиной ботинки из экзотической кожи от Дольче и Габбана и белая хлопковая, с высокими манжетами, приталенная рубашка от Версаче. О, кстати и вина сегодня итальянские! Причём мои любимые и настолько сложные, что требуют информационной детализации. Белое сухое из региона Фриули-Венеция Джулия, сорт винограда Риболла джалла от винодела Йошко Гравнера, во всех смыслах выдающееся вино: оно даже не белое, а скорее оранжевое, имеет терпкость, как у красного вина, сочетается с кухней гармоничной для белых и красных вин в одном лице, аромат ацетона и акации,

мёда и полевых трав, приготовлено инновационной для Италии, и традиционной для Грузии технологией – винификация в глинных, покрытых изнутри пчелиным воском и зарытых в землю амфорах (квеври), не заигрывает с массовым вкусом, а развивается своим изолированным путём, подпуская к себе только тех, кто находится в вечном поиске творческих оппортунистов, раскрываясь перед ними своей незабываемой неординарностью. И ещё географическая заметка: участок на котором выделяются такие мастера называется Коллио, и большая его часть находится по ту сторону границы с Италией- в Словении, и эта бывшая часть советской Югославии занесена в мировую винную элиту со своими белыми сухими винами, что вызывает дисгармонию с примитивной советской энологической культурой, являя собой оазис и светоч знаний до сих пор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.